

Саяма следовал за Ооширо в резервацию 1-го Гира. Они поднимались на холм позади UCAT.

Они прошли мимо управления транспортировками UCAT, пересекли огороды и цветники, и наконец, добрались до асфальтированной дороги. Ооширо развернулся к Саяме. Он приподнял подол своего прожженного в нескольких местах белого лабораторного халата.

— У тебя нет никаких предметов с высеченным или начертанным на них письмом?

Саяма уже собирался ответить, но неожиданно глянул в сторону окружающего леса.

— ?..

Что-то не так, — подумал Саяма.

Парень ощущал какое-то присутствие.

Однако он не заметил ничего вокруг. Была лишь тишина.

— Тут на удивление тихо.

— Может, потому, что мы рядом с Концептуальным Пространством. Но я бывала тут пару раз давным-давно. И в те визиты, — Синдзё склонила голову, — я припоминаю, что слышала больше птиц.

Мне нужно быть настороже, — подумал Саяма.

Он кивнул, и ответил на предыдущий вопрос:

— Я решил соблюдать осторожность, и не стал приносить какие-либо предметы с письмом на них. Но будет ли внутри работать электроника?

Саяма достал со своего кармана мобильный телефон. В нем были микрофон и встроенная камера, позволяющие записывать аудио и видео.

Саяма указал на камеру и Ооширо почесал затылок.

— Хм, должна работать. Чтобы предотвратить восстание, резервация построена на основе концептов Лоу-Гиры. Если ты воспользуешься этим с умом, то сможешь получить дополнительные способности от концептов, добавленных к резервации. Но...

— Но он не будет работать, как телефон, да? Телефонная башня расположена снаружи.

— Есть специализированные устройства, позволяющие тебе связаться с внешним миром, но их сложно достать.

Услышав это, Саяма вернул свой телефон в нагрудный карман костюма. Он выставил объектив камеры вперёд.

Затем Саяма глянул на левую руку Ооширо. Тот прижимал к боку лэптоп.

Когда Ооширо это заметил, то постучал по серому корпусу устройства и поднял большой палец.

— Это для записи всего разговора. Клавиатура и переключатели не содержат надписей. И с нажатием кнопки он может переключиться в режим, когда ничего не отображается.

— Я и не знал, что ты так хорошо управляешься с компьютером, старик.

Синдзё глянула на Саяму. Она немного запыхалась от восхождения на небольшой холм.

— В своем кабинете он играет в компьютерные игры. Но как только Sf, остальные или я пытаемся взглянуть на экран, он паникует и выключает дисплей. Мне кажется, Итару-сан однажды на него за это ворчал.

— ...Вот как?

— Да. И стены кабинета Ооширо-сана обклеены вертикальными плакатами. На всех них безвкусные рисунки похотливых девушек.

Задумавшись над словами Синдзё, Саяма глянул на Ооширо. Он слегка улыбнулся старику, сжимавшему лэптоп.

— Старик.

— Т-тебе что-то нужно?

— Я скажу это косвенным образом: ты умрешь не своей смертью, старый извращенец.

— Надо же, ты вправду это сказал... И Синдзё-кун, тебе не стоит наговаривать на людей!

— Э? Н-но мне казалось, часок видеоигр в день вполне допустимый способ расширить свои увлечения, — с по-прежнему наклоненной головой, Синдзё вытащила из заднего кармана что-то, похожее на карточку. — У меня есть вот это. Он не такой, как у Вас, но это портативная игровая система, которую мне дали в UCAT.

Саяма взял ее у девушки и понял, что это небольшая игровая приставка с жидкокристаллическим дисплеем. В центре разместился черно-белый экран, с обеих сторон от него находилось по одной круглой кнопке, и были две кнопки выбора. Судя по картинке на мониторе, игра заключалась в ловле прыгающих со зданий людей, которых игрок должен ловить носилками и относить в карету скорой помощи.

— У нее есть режим часов, а у игры есть обычный режим А, и режим высокой сложности В. Однажды я выбила максимальное количество очков в А режиме, но батарейка села и мой рекорд потерялся.

Слушая ее, Саяма понимающе кивнул, но затем обратился к Ооширо.

— До меня только что дошло — в том, что Синдзё такая странная, виновато UCAT, но как мне с этим быть?

— Я-я совсем не странная.

— Тебе промыли мозги. В видеоигры обычно играют на телевизоре или на жидкокристаллическом мониторе.

— Э? Можно играть в игры на телевизоре?

— Старик! Это доходит до уровня модификации личности!

— Я и сам не уверен, как так получилось, — ответил он. — Полагаю, люди передавали ей то, что им уже не нужно.

— Ясно, — кивнул Саяма. Он вернул карманную игровую приставку Синдзё. — Позаботься об этом... Но будь готова, потому что я сделаю всё для того, чтобы Сецу-кун проконсультировал тебя по этому поводу. У меня вроде бы остались кое-какие вещи в камерке, которые выпускник оставил после себя.

— Э? Тебе не нужно этим заниматься. Мне будет неловко.

— Нет, это отличная возможность обучить тебя тому, что мы живем уже не в эпохе Сёва.

Саяма вздохнул и двинулся вперед. А Ооширо, шагающий перед ним, неожиданно исчез.

Саяма нахмурился, задумавшись над тем, что произошло, но затем его часы на левом запястье неожиданно завибрировали.

— Письмена — это воплощение силы.

Он услышал голос, и над циферблатом прокрутились красные слова.

Саяма понял, что это был тот же концепт, что и в Императорском Дворце.

Но парень не почувствовал никаких изменений.

Место вокруг него практически не поменялось. Вид деревьев немного отличался, и запах земли стал сильнее, но это всё. Он не мог не сравнить его с Концептуальным Пространством, изменившим направление гравитации.

— Это несколько разочаровывает.

— Не все из них настолько впечатляющи.

Он оглянулся и обнаружил Ооширо и Синдзё, стоящих рядом с ним.

Саяма кивнул, и они снова двинулись вперед. За лесом по обе стороны тропы расстилались поля.

Саяма продолжал шагать по земле между деревьями, глядя на посевы вдалеке. Вскоре он добрался до вершины холма.

Перед ним открылось обширное пространство.

Сверху нависало голубое небо и белые облака, а внизу располагалась деревня. Поля по обе стороны от тропы тянулись до самых домов.

Большинство деревьев в поселении остались нетронутыми, и на них соорудили несколько домов. Множество из них выстроили из заостренных камней, с цементом, заполняющим щели. Крыши покрывало дерево. Рядом с каждым домом располагались небольшой огород и сарай.

И еще большее открытое пространство раскинулось позади деревьев и домов. Там виднелось зеленое море.

— Пшеница?

— Да. Картошка и прочие овощи растут отдельно. Выращивание посевов в Концептуальном Пространстве бывает нестабильным. Около двадцати лет назад большое количество почвы было завезено извне, чтобы сделать его самодостаточным.

— Это входит в обязанности USAT?

— Да, но бюджет USAT ограничен. Для чего-то большего жители резервации должны работать сами. Они это делают, обмениваясь техниками и знанием или работая на USAT. И если они желают акклиматизироваться, мы с радостью им поможем.

— Потому что чем меньше людей в резервации, тем проще их прокормить?

Как только Ооширо кивнул в ответ, от полей сбоку раздался низкий голос.

— Да. И если мы принимаем новых жителей, то должны отослать тех, кто может уйти.

Фигура, поднимающаяся на дорогу, была огромной. Саяма окинул взглядом этого двухметрового пришельца.

— Дракон?

Перед ним стоял человекоподобный дракон, покрытый черной броней и кожей.

Его заостренное лицо и пронизательные глаза повернулись к Саяме. Низкие плечи под его весьма длинной шеей прикрывала простая белая одежда с рыбацким жилетом, одетым поверх. На его ногах были...

— Дзика-таби? [□] Таби — традиционные японские носки высотой до лодыжки с отдельным большим пальцем; их носят и мужчины, и женщины с традиционной обувью с ремешками. Таби также важны при ношении традиционной одежды — кимоно и пр. Подробнее на Википедии

Они продавались в супермаркетах по дешевке. Носки покрывали грязь и мох.

Он, наверное, заметил взгляд Саямы, потому что открыл рот и засмеялся во весь голос. Дракон пнул землю, чтобы сбить грязь и мох и покачал цветы и солому в левой руке.

— Эта обувь лучше всего подходит для трех когтей, что мне достались в наследство от бога драконов. Они также хороши для работы в полях. Вы не согласны? Как твое имя, молодой человек, сын Лоу-Гира? Я Фасольт, лидер и сказитель этой резервации 1-го Гира.

Его легкие, должно быть, могли удерживать немало воздуха, потому что все эти слова раздалось на одном дыхании.

Саяма увидел, как Баку завернул свой хвост и отпрянул назад с того места, где он сидел на плече Саямы.

— Меня зовут Саяма Микото. Похоже, я временный представитель Лоу-Гира. Приятно познакомиться, лидер из другого мира, — сказал Саяма, протянув правую руку.

— Аах, — прокряхтел Фасольт, протягивая правую руку в большой рабочей перчатке. Но его вытянутая рука сложилась в кулак. — В 1-м Гире мы делаем это так, Саяма Микото. Согласно фольклористам, смысл в том, чтобы показать, что у тебя нет оружия, но на самом деле, пожимая руки, многие из нас могут друг друга ранить.

И действительно, на руке Фасольта виднелись когти, торчащие из рабочей перчатки. Концы были закруглёнными, но они белели от полировки. Саяма решил сжать свою правую руку в кулак вслед за ним.

Фасольт ударил кулак Саямы его собственным. Саяма в ответ сделал то же самое.

— Прекрасно. Не забывай использовать ладонь, когда приветствуешь женщину. Если ты хочешь знать, как здороваться с людьми в 1-м Гире, просто запомни, что нужно бить мужчин и гладить женщин. Эта поговорка происходит из города в 14-м блоке, и я следовал ей немало в свое время.

Слова Фасольта шли одно за другим, но их было легко слушать.

Они идут в идеальном ритме, — понял Саяма.

Ооширо сказал:

— В 1-м Гире письмо создает силу, потому что жители не смогли развиваться до того, чтобы хранить документы и записи. Раса драконов обладает долголетием, большой емкостью легких и превосходной памятью, поэтому они обычно выступают хранителями записей, судьями и сказителями истории.

— Да. Я оставил пост судьи из-за возраста, но я буду сказителем до самой своей смерти.

Немногие способны говорить ныне таким образом, но, я полагаю, таков наш век. О, но я несколько разочарован, что ты не особо удивлен меня увидеть, Саяма Микото. Синдзё была весьма удивлена, когда впервые со мной встретилась.

— Я-я была еще ребенком. Я совсем ничего не понимала.

Синдзё опустила голову и покраснела, тогда как Ооширо сложил руки на груди и заговорил:

— Когда мы впервые встретили Фасольта, она забралась ему на спину и удивилась, не обнаружив там молнии.

— Н-но я смотрела Литого Аретормана, и у него была молния на спине...

— Почему ты смотрела детское токусацу-шоу времен эпохи Сёва? Телепередачи что, доходят до Окутамы с задержкой во времени?

Фасольт рассмеялся во весь голос, и ностальгически закрыл глаза.

— Было еще удивительней, когда ребенком меня впервые встретил Ооширо. Он обмочился, едва меня увидел, и был настолько поражен, что издал какой-то странный крик и побежал меня атаковать. Я пристукнул его, не задумываясь. Просто удивительно, как это несколько не повлияло на все последующие переговоры.

— Ударить того, кто этого заслуживает, не должно влиять на переговоры.

— Вот как, понятно. Спасибо за решение этой пятидесятилетней загадки, Саяма Микото.

Саяма и Фасольт слегка стукнулись кулаками. Полудракон игнорировал Ооширо, который, похоже, хотел что-то сказать.

— Итак. Если ты не против, мы можем начать предварительные переговоры. Общественные вопросы следует решать в общественных местах, потому наша традиция — заниматься этим на общественной площади.

Саяма кивнул, но затем произнес:

— Если возможно, Вы бы не могли для начала выступить в качестве сказителя?

Фасольт и Ооширо вдвоем на него глянули, но Синдзё кивнула.

— Именно. Синдзё-кун и я не знают многого о 1-м Гире.

— Ты заметно отличаешься от Ооширо, несмотря на то, что принадлежишь к той же расе. Я слегка тронут. Тэс.

Дав свое согласие, Фасольт повернулся спиной и начал двигаться.

Ооширо последовал за Фасольтом, но сперва обернулся к Саяме и опустил большой палец вниз.

— Я тебе это припомню.

— Разве взрослым пристало так себя вести? — ответил Саяма.

Ооширо побежал за Фасольтом с демонстративно плаксивым выражением лица.

Саяма переглянулся с Синдзё и вздохнул. С горькой улыбкой он двинулся за Фасольтом.

Начав идти, Саяма взглянул на спину полудракона. Из-под ворота одежды торчали его низкие плечи. С каждой стороны находилась часть, не покрытая броней или чешуей. Эта область была длинной и тонкой, как рука, и темно-красная кожа затвердела, словно после ожога.

Синдзё прошептала Саяме, двигаясь рядом с ним:

— Это шрамы, оставшиеся после того, как он отрезал себе крылья. Ну, так я слышала.

Услышал ее Фасольт или нет, но он заговорил, глядя через восточную общественную площадь, расположившуюся между деревьями, домами и пшеничным полем.

— В солнечный день воздух, ветер и сказания о прошлом растекутся широко и далёко. Прежде чем перейти к переговорам, я поведаю вам историю о нашем крае.

Вместо того, чтобы просто перевести дух, Фасольт похоже заготовил еще больше вдохов перед тем, как снова заговорить.

— Равно как и о его разрушении.

Брюнхильд спала. В ее сне повторялось уничтожение 1-го Гира.

Во тьме ночи их маленькая хижина покачнулась. Земля содрогалась, будто от ударов.

Брюнхильд бежала через хижину. Она сжимала птичью клетку в руках и звала по именам тех, кому она верила, заглядывая в комнату за комнатой.

Вдалеке девочка слышала дрожание земли, словно ощущая его нутром. Близкие колебания сотрясали ее кости.

Услышав все эти звуки, Брюнхильд закричала, почти плача. Она снова побежала по комнатам, которые осматривала до этого уже множество раз.

Камин в центральном зале обвалился, и камень внутри обгорел и рассыпался.

У стены в задней комнате под упавшей балкой раскололась шестирядная клавиатура.

Стену и потолок мансарды украсили раскатанной тканью с надписями, желающими удачи. Ее заготовили для фестиваля.

— Почему это произошло в день фестиваля?..

Дрожь земли усилилась, и Брюнхильд споткнулась. Клетка упала на пол, и она едва не повалилась на нее сверху.

Как раз тогда к ней потянулась рука и поддержала её сзади.

Она подхватила клетку и обернулась, обнаружив рыжеволосую женщину.

— Леди Гутрун...

— Да, — кивнула женщина.

Она попыталась обнять Брюнхильд, но ее глаза остановились на клетке. В этой шатающейся хижине женщина улыбнулась и поцеловала Брюнхильд в щеку.

— Послушай, Найн. Мне нужно отправляться в королевский дворец. Могу лишь предполагать, но с Концептуальным Ядром там нечто произошло.

— Э?..

Брюнхильд, которую называли Найн, удивилась, но земля содрогнулась вновь, и крыша заскрипела.

Гутрун подняла взгляд и сказала:

— Оружейная лаборатория, скорее всего, закрыта. Если что-то случится, врата откроют, поэтому жди там. Доктор и Лорд Хаген в лаборатории. Они дадут тебе что-нибудь поесть, хорошо?

— Но я хочу быть со всеми. Где доктор и остальные? Они не тут?

Гутрун замолчала, но Брюнхильд продолжала задавать вопросы:

— Из задней комнаты исчезла книга о Граме. А еще книга о Фафнире... Где Зигфрид? Он что, нас предал? Эй, он правда нас предал?!

Гутрун встретила вопросы в лоб. Она закрыла глаза, и приоткрыла рот, чтобы ответить.

— ...

Но женщина тут же его закрыла.

Гутрун перевела дух, и открыла глаза. Она смотрела прямо на Брюнхильд.

— Он...мог так поступить. Но мог так и не поступить.

Услышав это, Брюнхильд осознала, что ее лицо посветлело. Она знала, что Гутрун тоже ему доверяла.

Гутрун притянула Брюнхильд к себе, слегка обнимая ее вместе с клеткой.

— Я пойду проверю, потому ты беги вперед меня.

— А т-ты не можешь пойти со мной?

Гутрун мягко отстранилась и погладила ее по голове.

— Я член королевской семьи. На время фестиваля знать вернулась домой, потому только доктор и я могут войти в подвальные помещения. И что-то, должно быть, там произошло. Я должна идти.

— Почему? Почему тебе нужно идти?

— Я уверена, мне удастся кого-то или что-то спасти, — она горько улыбнулась. — После смерти моей матери отец ослаб. Мне следовало его спасти... но, похоже, я могу сделать это сейчас. Чтобы ни случилось, и как бы всё не обернулось, есть кое-что, что я должна сделать как член королевской семьи.

— Что ты будешь делать, если Зигфрид нас предал?

— Не волнуйся. Что бы ни случилось, я постараюсь его убедить. Вместе мы сможем сохранить и спасти этот мир... Но как член королевской семьи, мне, возможно, придется настоять на своём. Если это случится, позаботься о нем вместо меня.

— И... и если это случится, мы однажды снова сможем быть вместе?

— Конечно. Я буду его убеждать, а ты — поддерживать. И... мы всегда будем вместе.

— Обещаешь? — спросила Брюнхильд.

Гутрун улыбнулась и ответила:

— Да. Я обещаю, что мы всегда будем вместе.

Она погладила Брюнхильд по голове. Мягкое прикосновение успокоило девочку, и она, наконец, улыбнулась.

— Ты хорошая девочка, Найн, — произнесла Гутрун со своей обычной улыбкой.

Птица в клетке защебетала в унисон содроганию и звукам тряски.

Едва Брюнихьд услышала этот щебет, как пробудилась ото сна.

Когда Брюнхильд открыла глаза, она увидела повернутую набок комнату изобразительного искусства.

Девушка уснула, положив голову на рабочий стол. Ее лицо было повернуто налево. Шея занемела, когда она попыталась выпрямиться.

Брюнхильд дотронулась до щеки, и обнаружила там черепичный узор, отпечатавшийся от поверхности стола.

— Это не лучший образ жизни.

Она глянула вниз и увидела, что птенец оставил свою коробку и поднял на нее глаза.

Содержимое блюдца с едой определенно уменьшилось. Птенец, похоже, сильно проголодался.

Девушка вытянула руку, и птенец, захлопав крылышками, вскарабкался на ее плечо.

Брюнхильд засмеялась. Ее шея слегка болела при повороте, но она себя пересилила. Затем взглянула чирикающему птенцу в глаза. Девушка не могла сказать, были ли слёзы на ее глазах от сна, от боли в шее, или от выздоровления птички.

Брюнхильд глянула вниз и поискала глазами черного кота.

Но его тут не было.

Она задумалась, и в ее голове возникли события, случившиеся перед тем, как она заснула.

Девушка повернулась к двери и обнаружила, что та не заперта.

— Мне удалось отправить его на регулярный доклад...

Хозяйка кота облегченно вздохнула. Она отвернулась от двери, и ее взгляд сам по себе устремился к центру комнаты изобразительного искусства.

Там на мольберте стояла незаконченная картина.

В черно-зеленом лесу уютилась одинокая маленькая хижина. Брюнхильд заговорила с птенцом, глядя на хижину, которую начали окрашивать темно-серым.

— Вот мир, из которого я родом, — она горько засмеялась. — Последнее обещание, данное мне там, никогда не было выполнено. Она так и не возвратилась. Вряд ли она смогла его убедить. И... похоже, он предал и покинул нас. Единственной, кто остался, была я, та, что доверяла всем остальным.

Брюнхильд глянула на птенца.

— Но, — начала она, -...

Птенец чирикнул. Он счастливо замахал хвостиком вверх и вниз.

Слушая его чириканье, Брюнхильд села на стул перед мольбертом. Она слегка опустила голову.

— Мне не следовало у него спрашивать, почему он тебя спас, — пробормотала Брюнхильд, вспоминая сцену из своего сна. — Почему она это сказала, отправившись во дворец, и приняв смерть от его руки? Почему она попросила меня позаботиться о нем и сказала, что мы всегда будем вместе?

Никто не мог ответить на эти вопросы. Вместо того птенец перестал чирикать и наклонил головку.

Посреди общественной площади резервации 1-го Гира несколько синих плит были перевернуты. Внизу этих плит находилась надпись «пол», а сверху — «общественная площадь».

Саяма и остальные сидели на этих плитах на «полу», слушая рассказ Фасольта.

Он вёл рассказ, охватывающий большой период времени, начиная от создания земли богом драконов.

Ведя повесть об этом несколько минут, полудракон перешел к созданию человека и основанию королевства.

— То было Королевство Вотана? — спросил Саяма, и Фасольт кивнул.

Он продолжал свой рассказ, даже когда селяне проходили мимо, и когда здоровался с крылатыми людьми и гигантами.

Когда Фасольт дошел до лидера королевства три поколения назад и черного дракона, захваченного во время перелета из мира бога драконов, закончился пересказ чужих слов.

Время шло своим чередом, и однажды в их мире объявился один странный гость.

— Он не был потомком бога драконов, и прибыл из земли, что ничего для нас не значила. Король Вотан потерял свою жену, и когда один из его механических драконов вышел из себя, пришел тот человек и одолел его.

Фасольт вздохнул. От задней части шеи и от его боков слышались звуки продолжительного дыхания.

Когда через минуту он снова открыл рот, чтобы продолжить, то говорил скорее в ритме беседы, чем в ритме сказания.

— Дабы помочь королю защитить концепты, Регин воссоединился с Фафниром, но Зигфрид убил их обоих священным мечом Грамом и вывел концепты из-под контроля, что привело 1-й Гир к его закрытой аннигиляции. Многие верят, что он также убил Принцессу Гутрун, когда она прибыла. Зигфрид сам это признавал.

И...

— Большинство жителей 1-го Гира по-прежнему ничего не забыли и даже после побега в Лоу-Гир жаждут смерти Зигфрида и уничтожения Грама.

— Почему они желают уничтожить Грам? Мне казалось, это оружие из вашего мира.

— Священный меч Грам был создан как концептуальное оружие, наделенное собственной волей, Саяма Микото. Они видят преступление в том, что меч согласился принять Зигфрида как своего хозяина. Вооруженные формирования 1-го Гира желают свершить возмездие над Грамом, после того как извлекут из него Концептуальное Ядро.

— Понимаю, — сказал Саяма. — Значит, таково прошлое Зигфрида.

— Спасая деревню, он был ранен. Мудрец Регин взял его к себе. На попечении Преподобного Регина также находились Принцесса Гутрун — после того, как король отдалился от нее, потеряв свою жену, — и девочка по имени Найн из расы долгожителей, что осиротела во время Концептуальной Войны. Поначалу он намеревался узнать у Зигфрида информацию о Лоу-Гире.

— Между ними не было вражды?

— Я слышал, было несколько конфликтов, но Зигфрид и принцесса хорошо ладили. Музыка... Да, Зифгирд был искусен в музыке, и это их роднило. Но, — промолвил Фасольт, — всё закончилось в день фестиваля звезд. Это случилось, когда королевский дворец практически опустел, потому что все вернулись в земли под своим началом. Произошло внезапное землетрясение, и небо расколосось на части. Мир так никогда и не оправился.

— Это сделал Зигфрид?..

— К тому времени он уже сбежал через ворота в королевском дворце. Мы больше никогда с ним не встречались. По желанию принцессы мы привели ее на смотровую площадку дворца и дали произнести речь. Она сообщила жителям, что 1-й Гир потерпел поражение и будет уничтожен. Она велела им бежать в Лоу-Гир через ворота в королевском дворце или ворота в городе. Если бы она этого не сделала, я сомневаюсь, что хаос в городе улегся бы, но на то ушли ее последние силы...

— ...

Когда Саяма ответил молчанием, Фасольт закрыл глаза и кивнул.

— Пока мир рушился, мы разделились между западными и восточными вратами. Врата возле королевского дворца вели сюда. Врата рядом с оружейной лабораторией, скорее всего, появились где-то посреди Японского региона Тюгоку. Наши врата в основном вели в европейскую страну Германию, потому это стало нашими основными вратами. И такова история разрушения 1-го Гира, какой я ее знаю, — завершил Фасольт.

Ооширо заложил ногу на ногу рядом с ним, печатая на ноутбуке, размещенном у него на коленях.

— Трудности не прекращались и после всего этого. Мирная фракция, сбежавшая через врата королевского дворца, попала под защиту UCAT, но радикальная воинствующая фракция отказалась от защиты и продолжает сражаться. И из тех, кто прибыл сквозь врата в королевском дворце, еще одна воинствующая группа, именуемая фракцией Королевского Дворца, отделилась, завладев технологией Концептуального Пространства. Но ты видел, что осталось от них вчера. — Ооширо кивнул и улыбнулся. — Эти предварительные переговоры включают в себя все это... Как бы там ни было, главное, расслабься.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274196>